

Р Ъ Ч Ъ

въ день поминовенія раба Божія Николая (Гоголя), по истеченіи 50-лѣтія по его смерти*).

(ГОГОЛЬ ВЪ ЕГО ЖИЗНИ И СМЕРТИ).

*Радость бываетъ на небеси о единомъ
грѣшникѣ кающемся.*

Сегодня во всѣхъ концахъ русской земли поминаютъ и прославляютъ покойнаго великаго писателя Николая Васильевича Гоголя. Прославляютъ его, конечно, какъ реального изобразителя сколько высокой поэзіи, столько-же и величайшей грязи и низости человѣческаго сердца. Коснутся-ли прославители, въ своей погонѣ за разнообразіемъ похвалъ и чествованій, позднѣйшихъ произведеній его, въ родѣ «Переписки съ друзьями», «Размышлений о божественной литургіи»; коснутся-ли послѣднихъ лѣтъ его жизни — сказать трудно. Вспомнятъ-ли добрымъ словомъ эти послѣдніе его труды, эти годы, даже эти дни, — или обойдутъ молчаніемъ — отвѣтить еще труднѣй.

Увы! Уже современные Гоголю именитѣйшіе наши мыслители ставили ему въ тяжкій упрекъ то, что онъ обратился подъ конецъ жизни къ христіанству, усматривали въ этомъ поворотѣ — иные «упадокъ его духа и воли» (Шлетневъ), иные «нервное разстройство, принявшее характеръ религіознаго помѣшательства» (Хомяковъ). А въ наше время, когда сотни мыслящихъ, тысячи

* Произнесена въ сокращенномъ видѣ на панихидѣ въ реальномъ училищѣ св. Павла.

читающихъ упиваются изданіями, отвергающими Бога и Христа Его, хулящими въру отцовъ и церковь со всѣмъ ея историческимъ строемъ, преданіями, формами, — въ наши дни ждать сочувствія къ Гоголю подъ конецъ его жизни, отыскать хотя крупицы такого сочувствія, по крайней мѣрѣ со стороны его свѣтскихъ почитателей, — будетъ еще труднѣе. Есть и симптомы, характерные въ этомъ направленіи. Послѣднія литературныя работы Гоголя именуется наканунѣ 50-лѣтія его смерти «плеведами его творчества»... «слабыми, не выдерживающими самой снисходительной критики, произведеніями». Пишутъ: «для Россіи однимъ изъ ея наиболѣе чтимыхъ сыновъ останется не Гоголь «учитель жизни», — объ этомъ смѣшно даже и говорить, — а Гоголь — «геніальный художникъ» (Богучарскій, «Міръ Божій» 1902 г. II т.). Да проститъ и помилуетъ Богъ такихъ и подобныхъ имъ мыслителей, какъ умершихъ, такъ и живыхъ, да и воздастъ имъ за учиненное добро славою на небѣ, большею той, какою они славились на землѣ.

Но намъ, собравшимся здѣсь для молитвеннаго чествованія покойнаго Гоголя, намъ о чемъ молиться? И почему это мы за него всероссійскимъ соборомъ молимся?

Точка зрѣнія, на коей въ данную минуту стоимъ мы, диаметрально противоположна выше указанной. Церкви почившій Николай Васильевичъ Гоголь памятенъ не только какъ художникъ слова, но и какъ христіанинъ. Міръ почитаетъ въ немъ творца «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»; — церковь помнитъ, что авторъ «Мертвыхъ душъ» самъ *мертва бы и живе*. Міръ презираетъ и гнушается послѣдняго періода въ жизни Гоголя; — церковь радуется, что тяжкая кончина его освѣщена знаменательно-умилительнымъ свѣтомъ, что его вольно-невольныя грѣхопаденія были имъ оплаканы, а его предсмертное раскаяніе — искренне.

Онъ былъ сынъ Отца небеснаго, какъ и всѣ мы, но сынъ особенно любимый, потому что Отецъ его необычайно одарилъ. Семейная обстановка, въ которой онъ выросъ, главнымъ обра-

зомъ вліяніе матери, смиренно-покорной волѣ Провидѣнія, искренне-любившей окружавшихъ ее, женщины съ прагматическимъ здравымъ смысломъ, странно соединившимся съ самымъ наивнымъ незнаніемъ людей и общественныхъ отношеній, оставила на немъ неизгладимую печать. Матери, а не кому-нибудь другому изъ близкихъ людей, принадлежало первое мѣсто въ образованіи нравственной личности Гоголя. Объ этомъ можно судить по продолжительности ея вліянія даже въ періодъ образованія характера сына. Мать еще въ раннемъ дѣтствѣ заложила въ душѣ Гоголя основы религіознаго чувства, имѣвшаго важное значеніе во всей его жизни и оставившаго яркій слѣдъ во всѣхъ его взглядахъ и убѣжденіяхъ. Въ дни его юности мать является довѣренной его собесѣдницей. Ей онъ повѣряетъ свои думы, мечты, заботы. Ее называетъ «ангеломъ-хранителемъ своимъ», «достойнѣйшею изъ матерей».

Нельзя сказать, что, удалившись изъ дома отеческаго для дальнѣйшаго образованія въ лицей, онъ удалился и изъ дома Отца Небеснаго и сталъ расточать свои великіе прирожденные дары. Вообще онъ не похожъ на отрока библіи, — «безумнаго расточителя, который до капли истощилъ потомъ раскаянія фіалъ». Напротивъ, личное развитіе Гоголя шло въ строгой послѣдовательности безъ рѣзкихъ поворотовъ и замѣтныхъ колебаній. «Съ 12-ти лѣтняго, можетъ быть, возраста, — говорилъ онъ самъ, — я иду тою-же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаюсь и не колеблюсь никогда въ мнѣніяхъ главныхъ, не переходя изъ одного положенія въ другое». «Да не подумаютъ, — писалъ одинъ изъ близко знавшихъ его, — что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ: онъ съ юношескихъ лѣтъ остался имъ вѣренъ; онъ шелъ постоянно впередъ; его христіанство становилось чище, строже и суровѣе и въ этомъ только смыслѣ Гоголь мѣнялся». (Аксаковъ). Конечно, рано пробудившаяся дѣятельность мысли рано вызвала въ немъ потребность относиться критически къ окружающему, побуждала искать лучшаго, стремиться къ перемѣнѣ условій и обстановки. Конечно, эта дѣятельность вліяла

на духовный склад даровитаго юноши. По временамъ его нравственное состояніе было неопредѣленно: онъ переходилъ отъ надеждъ къ разочарованію и, затѣмъ, снова возвращался къ свѣтлому настроенію, не давая овладѣть собою отчаянью. Тѣмъ не менѣе, въ трудныя минуты жизни, среди продолжительныхъ и бесплодныхъ стремленій найти опредѣленный родъ занятій, его природный оптимизмъ не слабѣлъ, а крѣпнулъ. Выдающею чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе Его указаній. Онъ не только вѣрилъ въ правоту своихъ убѣжденій и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе — «разсѣять благо и работать на пользу міра», — но и каждую неудачу объясняетъ карой за неповиновеніе волѣ Божіей. Жизнь была исполнена для него глубокаго и таинственнаго смысла и онъ имѣлъ на нее взглядъ прямо противоположный взгляду тѣхъ людей, которые считаютъ ее за бессмысленную цѣпь случайностей. На этой вѣрѣ въ помощь Божію и основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ. Въ цѣломъ, натура Гоголя лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самосужденіемъ, была пропикнута любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывала себя для достойнаго служенія истинѣ и добру и постоянно находилась въ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ» (Аксаковъ).

Такимъ выступилъ онъ на поприщѣ писателя. Мы не станемъ распространяться предъ вами объ его достоинствахъ и недостаткахъ, какъ реального изобразителя человѣческаго сердца и человѣческой жизни. Его тонкая наблюдательность и нѣжная отзывчивость, его смѣлая и вмѣстѣ изящная кисть художника слишкомъ извѣстны. Но вотъ, скрытая отъ глазъ, оригинальная сторона въ процессѣ его художественнаго творчества. Знаменитыя «Мертвыя души» должны были дать рядъ типовъ не только отрицательныхъ, но и положительныхъ. Яркое изображеніе людской пошлости и низости казалось автору недостаточно вѣс-

скимъ; ему хотѣлось освѣтить плутовство свѣтомъ страданія и покаянія, — представить образцы, которые показали-бы какимъ путемъ могутъ люди достигать совершенства. Задавшись такою цѣлью, Гоголь рѣшаетъ прежде всего, въ чемъ состоитъ нравственное совершенство, къ которому онъ намѣренъ вести своихъ читателей, и ищетъ отвѣта на этотъ вопросъ въ Евангеліи и въ писаніяхъ отцовъ Церкви. Затѣмъ, у него возникаетъ сомнѣніе, — можетъ-ли человѣкъ грѣховный вести другихъ по пути добродѣтели; отсюда сильное желаніе самому очиститься отъ грѣха; отсюда исканіе у Бога вдохновенія въ молитвѣ. «За молитвой, — говоритъ онъ, — послѣдуютъ отвѣты. Красота этихъ отвѣтовъ такова, что весь составъ творенія самъ собою превратится въ восторгъ и получится все, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокий внутренній смыслъ».

Надо-ли выяснять, что при такихъ своеобразныхъ условіяхъ процессъ творчества обращался въ тяжкій трудъ, почти въ муку; что въ Гоголѣ мы имѣемъ, — какъ выражается Аксаковъ, — «истиннаго мученика высокой мысли и въ то-же время мученика христіанства».

Съ 40-хъ годовъ религіозность, отличавшая его въ дѣтствѣ, но до сихъ поръ рѣдко выступавшая наружу, стала чаще проскальзывать и въ письмахъ, и въ разговорахъ, и во всемъ его міросозерцаніи. Подъ ея вліяніемъ онъ придаетъ своей литературной дѣятельности смыслъ долга, возложеннаго на него Провидѣніемъ; мысли его постоянно обращаются къ небу; житейскіе и общественные вопросы кажутся не стоящими вниманія, онъ мечтаетъ о спасеніи души. Къ этой порѣ относится случай, остановившій на себѣ вниманіе одной близкой къ нему семьи. Разъ въ эту семью Гоголь явился съ образомъ Спасителя въ рукахъ и съ необыкновенно радостнымъ, сіяющимъ лицомъ. «Я все ждалъ, — сказалъ онъ, — что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ Иннокентій (архіепископъ херсонскій) благословилъ меня и теперь я могу объявить: я ѣду ко гробу Господню». — Самое па-

ломничество въ Иерусалимъ, задуманное въ 1842 г., связывалось въ его душѣ съ окончаніемъ крупнаго литературнаго труда. Онъ находилъ, что это окончаніе также необходимо предъ путешествіемъ, какъ «душевная исповѣдь необходима предъ святымъ причащеніемъ». Жизнь и невзгоды задержали исполненіе благочестиваго плана на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Но и въ 48 году Гоголь не измѣнилъ своихъ взглядовъ на посѣщеніе св. города. Тамъ, — у Гроба Господня, — вѣрилъ онъ, — снзойдетъ на него благодать, которая очиститъ его душу, разрѣшитъ все его сомнѣнія и колебанія, покажетъ ему его путь». Тамъ, — у Св. Гроба «встанетъ онъ съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратится къ дѣлу и труду своему на добро землѣ своей». — Кажется, едва-ли много прибавится къ характеристикѣ такого религіозно-мистическаго настроенія, овладѣвшаго Гоголемъ, если скажемъ, что въ эти годы онъ усердно заучивалъ псалмы, часто посѣщалъ церковь, изучалъ чинъ литургіи, писалъ «размышленія» о ней, наконецъ выступилъ въ роли моралиста-проповѣдника.

Остановимся въ наше назиданіе надъ смертнымъ одромъ отходящаго въ вѣчность великаго писателя, чтобы видѣть, что его кончина стоитъ въ гармонической связи со всей его предшествующею жизнью, начиная отъ дѣтскихъ лѣтъ; что кончина эта вполне христіанская.

«Въ 1852 году поминальная суббота совпала съ праздникомъ Срѣтвенія и поминальную службу служили въ пятницу. Гоголь молился у Симеона Столпника (въ Москвѣ). Подъ вліяніемъ этой службы онъ былъ свѣтелъ, даже весель, говорилъ много и все объ одномъ и томъ-же. Онъ говорилъ, что тогда только имѣетъ смыслъ чтеніе псалтыря по умершимъ, когда читаютъ близкіе; говорилъ о впечатлѣннн смерти на людей; о томъ, возможно-ли человѣка воспитать такъ, чтобы онъ понималъ значеніе жизни и смерти, чтобы смерть не поражала, какъ будто нечаянность... Во вторникъ на масляницѣ онъ пріѣхалъ къ своему духовнику извѣстить его, что говѣетъ и

спросить, когда можетъ причаститься. Тотъ посовѣтоваль было дождаться первой недѣли поста, а потомъ согласился и назначилъ четвергъ на масляной. Въ назначенный день Гоголь явился въ церковь еще до заутрени и исповѣдался. Предъ принятіемъ св. даровъ палъ ницъ и много плакалъ. Былъ уже слабъ и почти шатался. Вечеромъ пріѣхаль къ священнику и просилъ его отслужить благодарственный молебень, упрекая себя, что забылъ исполнить это поутру... Никакой особенной болѣзни въ немъ не было замѣтно, не только опасности; а въ задумчивости его, въ молчаливости не представлялось ничего необыкновеннаго... Только съ понедѣльника первой недѣли поста обнаружилось его совершенное изнеможеніе. Онъ не могъ уже ходить. Призваны были врачи. Однако больной отвергалъ всякое пособіе и почти не принималъ нищи. Пропуская лишь нѣсколько капель воды съ краснымъ виномъ, онъ стоялъ колѣнопреклоненный предъ множествомъ поставленныхъ предъ нимъ образовъ и молился. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ тихо и кратко: *«оставьте меня, мнѣ хорошо»*. Такъ прошла первая недѣля. Въ четвергъ онъ сказалъ: «я знаю, что долженъ умереть». — Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ духовникъ предложилъ ему причаститься и пособороваться, на что онъ согласился съ радостью и выслушалъ всѣ Евангелія въ полной памяти, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы... Въ среду обнаружались явные признаки нервной горячки. Употреблены были всѣ средства, коихъ онъ, кажется, уже не чувствовалъ. Изрѣдка бредилъ, вскрикивая „поднимите, заложите, подайте!“ Ночью дышалъ тяжело; къ утру дыханіе едѣлалось рѣже и онъ какъ будто уснулъ. Утромъ 21 февраля, въ 8 часовъ, его не стало»...

Такъ Отецъ Небесный послалъ своему любимому сыну христіанскую, хотя и не легкую кончину. Одинокій вдали отъ родной семьи, знаемый многими, но и чуждый многимъ даже изъ близкихъ, умиралъ онъ. Это тяжко! Но его глубокая вѣра! Его предсмертныя молитвы цѣлыми днями, на колѣняхъ! Его раскаяніе! Умирая на своемъ крестѣ, не думаль-ли онъ, что

Отец *порадуется о немъ—грѣшникъ кающемся!* Умеръ онъ, какъ и прожилъ свою жизнь, истиннымъ христіаниномъ.

Говорить ли теперъ о томъ, почему мы молимся о рабѣ Божіемъ Николаѣ?

Въ отвѣтъ скажемъ одно: онъ принадлежитъ къ числу выдающихся дѣтей Россіи за минувшее столѣтіе. Какъ мыслитель, какъ моралистъ, Гоголь стоитъ ниже передовыхъ людей своего времени; но онъ съ раннихъ лѣтъ былъ одушевленъ благороднымъ стремленіемъ приносить пользу обществу, живымъ сочувствіемъ къ человѣческимъ страданіямъ и находилъ для ихъ выраженія поэтическій языкъ, блестящій юморъ, живые образы. Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ отдавался влеченію творчества, его наблюдательность, его могучій талантъ глубоко проникали въ жизненные явленія и своими ярко-правдивыми картинами человѣческой пошлости и низости содѣйствовали пробужденію общественнаго самосознанія.

Вопросъ въ томъ, о чемъ намъ слѣдуетъ молиться въ данную минуту? О, о многомъ. О почившемъ, конечно; но и о живыхъ—и о себѣ также. Помните предсмертныя слова Христовы: *не плачьте обо Мнѣ, плачьте о себѣ и о дѣтяхъ своихъ!* Не несется ли къ намъ съ неба и въ эту минуту подобный-же гласъ: «молитесь и о мнѣ, по христіанскому долгу поминайте своихъ великихъ людей, благодаря Бога за добро, за славу, и смиренно умоляя Его за грѣхи, за слабости,—но молитесь и о себѣ». Гоголь, какъ и Жуковскій, какъ и Карамзинъ, и Державинъ—истинный христіанинъ.

И за то ему славная, добрая, вѣчная память!

Но, съ его времени, послѣдователи указаннаго имъ въ литературѣ направленія, лучшіе наши писатели стали прямо и открыто отрекаться отъ христіанства, чуждаться православія. Помолимся поэтому о томъ, чтобы подражатели великаго Гоголя послѣдовали за нимъ и въ его стремленіи построить свой нравственный строй по высочайшему, безупречно чистому идеалу Христова Евангелія, послѣдовали его искреннему покаянію въ

последнія минуты жизни, и христіанской кончанію, по примпненіи съ Богомъ, съ совѣстью и съ Христовой церковью. Пусть его прямолинейное съ лѣтъ дѣтскихъ до могилы религіозное развитіе убѣдитъ каждаго, что высокому, всеобъемлющему духу трудно выдержать отрицаніе до конца, до предсмертнаго часа; трудно не по малодушію, а по непререкаемой логикѣ природы самосознающаго человѣческаго духа. Помолимся, чтобъ и о славномъ нашемъ писателѣ, пинѣ поминаемомъ рабѣ Божиѣмъ Николаѣ, какъ и всякой душѣ христіанской, примирившейся съ небомъ, было изречено въ вѣчности; *возвеселится и возрадоватися подобаше, яко сей сынъ Отца небеснаго изыде въ воскресеніе живота*. Аминь.

Одесскаго Каоедр. собора свящ. Сергій Петровскій.

Лучшіе завѣты Н. В. Гоголя русской молодежи*).

Въ настоящій день, ровно 50 лѣтъ тому назадъ, скончался одинъ изъ великихъ писателей земли русской. Всѣмъ присутствующимъ извѣстно, что я говорю о Гоголѣ. Наше настоящее торжество, посвященное ему, есть одно изъ безчисленныхъ торжествъ, которыя совершаются сегодня на всемъ пространствѣ нашей необъятной Россіи. Вездѣ, начиная отъ береговъ Вислы и Карпатскихъ горъ до Великаго океана, отъ предѣловъ Ледовитаго океана до Арменіи и Афганистана, вездѣ, гдѣ звучитъ русская рѣчь, гдѣ бьются русскія сердца, вездѣ, говорю я, повторяется съ любовью и безграничнымъ уваженіемъ имя Гоголя. Въ этомъ чествованіи писателя, скончавшагося 50 лѣтъ тому назадъ, сливается единодушно вся интеллигенція страны, вся учащаяся молодежь и народныя массы. Въ настоящій день о Гоголѣ молилась вся Россія. Сегодня, къ подножію бюста великаго писателя несутъ вѣнки, предъ нимъ произносятъ рѣчи умиленія и благодарности, въ честь его поютъ торжественныя гимны. Такимъ образомъ, 50 лѣтъ, протекшія со дня его кончины, не только не ослабили того уваженія и той любви, какими онъ пользовался

*) Рѣчь, произнесенная въ Одесской духовной семинаріи на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ память пятидесятилѣтія со дня кончины русскаго писателя Н. В. Гоголя.